

Чехов А. П.
(фронтиспис)

Век. Москва. - 1998. - 30 апр. - с. 11 Как вам зеленый пояс с розовым платьем?

Международный театральный фестиваль имени Чехова

Борис ПОЮРОВСКИЙ

Видит Бог, как радуются все, кто любит театр, возможности посмотреть спектакли, свезенные в Москву с разных концов земли. Последнее обстоятельство особенно существенно, если учесть, что сейчас не то что в Париж, но и в Воронеж съездить совсем не просто. И потому заметки эти следует начать с благодарности тем, кто дает нам такую счастлившую возможность: я имею в виду прежде всего Международную конфедерацию театральных союзов во главе с Кириллом Зворыкиным, Олегом Ефремовым и Валерием Шадриным. Это они, вопреки всему, что происходит вокруг, опираясь на небольшой штат преданных сотрудников, пытаются сейчас в третий раз провести фестиваль.

бы и пропеть аллилуйя! Но что-то удерживает от подобных песнопений. И начинаешь мысленно прокручивать в голове одну за другой постановки. И ловишь себя на мысли, что все познается в сравнении. Замечательно, что в Бостоне есть Репертуарный театр. Его руководитель Роберт Брустин проповедует учение основателей МХАТа. Он преисполнен уважения к России и завидует тому, что наши улицы носят имена деятелей культуры, в то время как на родине Брустина, по его словам, все обстоит наоборот: в памяти американцев сохраняются лишь имена преуспевающих бизнесменов и политиков... Однако какое все это имеет отношение к трем спектаклям руководимого им Репертуарного театра, выбранным для открытия фестиваля? «Шесть персонажей в поисках автора» Л. Пиранделло, отмеченные где-то премией «Лучший спектакль года» в 1996 году, производит, скажем прямо, странное впечатление. В нем нет актерских удач. Попытка Брустина с помощью клея и ножниц адаптировать очень сложное произведение драматургии к скромным возможностям труппы может быть расценена разве что как семейная радость. Не больше.

На другой день режиссер Джозеф Чайкин предложил «поварскую басню» «Когда весь мир был зеленым», сочиненную им в соавторстве с Сэмом Шепардом для двух исполнителей. Спектакль этот вызвал

ных прочтений не теряют своей самодостаточности. Замысел режиссера очень прост: в качестве эпиграфа сторож Фералонт читает известные слова, принадлежащие героиням пьесы в финале, когда они думают о том, забудут или не забудут о них потомки. Затем сестры спускаются по громадной лестнице, занимающей все пространство сцены. Дальше все идет почти по пьесе, если не считать, что Федотик и Родэ объединены в одном персонаже. А нянька Анфиса курит, поет французские песенки и, похоже, действительно бездельничает и ворует, как считает Наташа. Кстати, именно Наташа — один из наиболее привлекательных персонажей в этой постановке. Она все время чем-то занята, а остальные только говорят, говорят и говорят... Дело не в том, что режиссер решил сломать театральную традицию... Какая невидаль?! Беда в другом: Чехов, в отличие от Брехта или Шекспира, при всей своей универсальности очень национальный автор, у него важна каждая мелочь. Можно любить или не любить Чехова, его героев, Россию, наконец. Но в любом случае все это надо хорошо знать. Иначе ничего не получится. Объяснить это так же трудно, как трудно предположить, что Наташа когда-нибудь догадается, отчего зеленый пояс не сочетается с розовым платьем. Есть вещи, о которых не стоит спорить, хотя и считают, что в спорах рождается истина.

Медея от Ханса-Ульриха Беккера исправила ситуацию

В 1992 году вся программа уложилась в три недели, в 1996-м фестиваль продолжался три месяца, а нынешний рассчитан на два с половиной. В афише Первого фестиваля не было московских спектаклей. Россию представляли две постановки. Из пятидесяти двух работ, объявленных сегодня, двадцать одна принадлежит российским театрам. Тринадцать из них — московским. Почти все сколько-нибудь влиятельные руководители столичных коллективов добились почетного права участия.

Если в прошлые годы фестиваль представлял искусство драматических театров, то нынешний включил в свою орбиту и оперу, балет, музыкальную мистерию, кабаре, элементы театра кукол: без них не получилась бы, к примеру, сказка Гоцци «Женщина-змея». И даже опыт древнего театра теней оказался востребован в постановке другой сказки Гоцци «Король-олень».

По-прежнему безграничны репертуарные берега — от древних греков до самых авангардных авторов. Много классики: Софокл, Еврипид, Шекспир, Пушкин, Лермонтов, Островский, Достоевский, Чехов, Горький, Стринберг, Б. Шоу, Пиранделло. Спектакли поставлены режиссерами, имеющими мировое признание. И только подающими надежды. И сыграны актерами, которых знаем и любим давно. И теми, с кем знакомимся впервые.

Приятно и то, что в отличие от прошлых раз, когда на спектакль попадали, главным образом, специалисты, сейчас в залах полно обычных зрителей. Что особенно радует, на фестиваль рвется молодежь. Казалось бы, все прекрасно. На этой доброй ноте можно было

еще больше вопросов. Если накануне мы все же могли следить за каким-то действием, то на этот раз нам предлагалось внимать диалогам, которые велись довольно вяло. Не исключаю, если бы пьесу разыграли другие актеры, с яркой индивидуальностью, возможно, нам не было бы так тоскливо.

И только с третьей попытки наша встреча с Репертуарным театром из Бостона наконец увенчалась успехом. В тот вечер Андрей Щербан представил английскую версию сказки Карло Гоцци «Король-олень». Спектакль отличался озорством, наивностью, стремлением к импровизации и, конечно же, неизбывным чувством юмора.

Особую радость доставил «Маскарад» М. Лермонтова в постановке Римаса Туминаса в вильнюсском Малом театре. Пока он остается бесспорным лидером фестиваля — его главным открытием.

Зато вызывают недоумение — во всяком случае у меня — обе работы Оливье Пи. Его «Кабаре «Мисс Найф» и «Лицо Орфея», да и сам режиссер, получили, по словам анонимного автора буклета, очень высокую оценку во Франции. Все те же безымянные пропагандисты и исследователи творчества Пи обнаружили в нем чувство юмора и иронии. Хотелось бы узнать, в чем же именно все это проявляется? В бесконечных переодеваниях в женские платья? Так ведь это навязчивое стремление имеет вполне определенный медицинский диагноз. Равно как и желание обнажаться...

Еще одна «звезда» современного европейского театра Кристоф Марталер поставил «Три сестры» в «Фольксбюне». Единственное, что можно сказать себе в утешение, так это то, что пьесы Чехова от подоб-

Разместив все события чеховской пьесы на лестнице, режиссер тем самым лишает ее героев возможности к взаимодействию. Какие уж тут полутона, настроения, второй план, без которых немислим театр Чехова! К тому же Марталер не желает считаться с паспортными данными исполнителей. Временами ловишь себя на том, что, кроме Ирины, Наташи, Тузенбаха и Федотика + Родэ, все остальные действующие лица уже давно могли бы находиться на заслуженном отдыхе, а не стремиться в Москву. Что им там делать в таком возрасте?

Справедливости ради надо заметить, что через день другой немецкий режиссер Ханс-Ульрих Беккер показал «Медею» Еврипида в Штутгартском театре, которая заметно исправила ситуацию и вселила определенные надежды. Их поддержали и спектакли Роберта Стура в Грузинском театре имени Шота Руставели — «Ламара» Григора Робакидзе и «Женщина-змея» Карло Гоцци. Обе эти работы представили фактически обновленную знаменитую труппу, в каждом из них — свои бесспорные достоинства. Но, увы, они не могут встать вровень с другими спектаклями того же Стура — с такими, как «Кваркваре Тутабери», «Кавказский меловой круг» или «Ричард III».

...Возникает вопрос: нельзя ли на будущее в программе или в афише указывать имя того, кто взял на себя ответственность рекомендовать спектакль вниманию фестиваля? Сейчас же получается так, что за все отвечает Международная конфедерация. А хотелось бы знать, кому лично мы обязаны выбором в каждом конкретном случае. Помните, один из героев Райкина как-то объяснял, в чем отличие яблони в колхозном саду от такой же яблони, но на собственном приусадебном участке. В первом случае она, понятное дело, была общей, а по существу — ничьей. А во втором все как раз обстояло наоборот...

Бруно Кокатрикс в 1966 году пригласил в «Олимпию» большую эстрадную программу. Но перед самым выездом наших артистов в Париж Фурцева решила внести свои коррективы в состав участников. Кокатрикс попытался возразить ей, но министр культуры СССР стояла на своем. Тогда знаменитый импресарио вынужден был прибегнуть к последнему средству:

— Простите, мадам, я плачу свои деньги и отвечаю перед моими зрителями, когда пишу на афише: *презент Бруно Кокатрикс*.

И Фурцева уступила. А почему бы и нам не завести такое правило? Все познается в сравнении...

625